

САРА ДЖИО

Ежевичная зима

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д41

Sarah Jio

BLACKBERRY WINTER

Copyright © Sarah Jio, 2012

Перевод с английского *Ирины Крупичевой*

Художественное оформление и разработка серии

Натальи Каитыкиной

Джио, Сара.
Д41 Ежевичная зима / Сара Джио ; [перевод с английского И. Крупичевой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с.

ISBN 978-5-04-174344-4

«Ежевичная зима» — это роман-лабиринт, связывающий 1933 год и наши дни. Он рассказывает об одном снежном утре, изменившем жизни героев. Потрясающий микс истории, загадок и романтики — о тайне, скрытой под снегом, и любви, растопившей лед.

Сиэтл, 1933. Мать-одиночка Вера Рэй целует своего маленького сына перед сном и уходит на ночную работу в местную гостиницу. Утром она обнаруживает, что город утопает в снегу, а ее сын исчез. Недалеко от дома Вера находит любимого плюшевого медвежонка Дэниела, но больше никаких следов на заледеневшей дороге нет.

Сиэтл, 2010. Репортер Клэр Олдридж пишет очерк о парализовавшем город первомайском снежном буране. Оказывается, похожее ненастье было почти восемьдесят лет назад, когда во время снегопада пропал мальчик. Клэр без энтузиазма берется за это дело, но вскоре обнаруживает, что история Веры Рэй переплетена с ее собственной судьбой самым неожиданным образом.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Крупичева И., перевод на русский язык,
2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-174344-4

*Посвящается моим сыновьям
Карсону, Расселу и Колби
и их мягким игрушкам –
потрепанному мишке,
трем порванным жирафам
и маленькому полосатому тигру.
Я – ваша мать,
и это самая большая радость
в моей жизни.*

*Посвящается также
всем матерям, особенно тем,
кому пришлось навсегда
расстаться со своим ребенком.*

Сара Джо

Г Л А В А 1

Вера Рэй

Сиэтл,

1 мая 1933 года

Сквозь щели дощатого пола повеяло холодом, я задрожала и плотнее закуталась в серый шерстяной жакет. На нем осталась всего одна пуговица. Они стоили по пять центов за штуку, и мне казалось глупостью думать о том, чтобы пришить новые. Да и весна уже пришла. Или нет? Я выглянула в окно третьего этажа и прислушалась к тому, как свистит и сердито завывает ветер. Ветви старой вишни с такой силой ударили в стену дома, в котором я снимала крохотную квартирку, что я подскочила, испугавшись, как бы новый удар не разбил стекло. В этом месяце мне бы ни за что не удалось заплатить за то, чтобы вставили новое. И в эту секунду неожиданное зрелище на мгновение заставило меня забыть о моих тревогах. В воздухе закружились легкие розовые лепестки. Я вздохнула и улыбнулась. Совсем как снег.

— Мама! — пискнул из-под старого стеганого голубого одеяла Дэниел. Я отбросила одеяльце в сто-

рону и увидела его милое круглое личико и мягкие белокурые волосы, которые все еще завивались на концах. Его младенческие волосики. В свои три года, с пухлыми розовыми щеками и большими глазами такого пронзительно-голубого цвета, что от взгляда на них замирало сердце, он был уже не младенцем, но еще и не мальчуганом. Во сне Дэниел выглядел точно так, как в тот день, когда родился. Иногда ранним утром я на цыпочках прокрадывалась в его комнату и смотрела, как он спит в обнимку со своим маленьким плюшевым мишкой с оторванным ухом и потрепанным голубым бархатным бантом.

— Что случилось, милый? — спросила я, опускаясь на колени рядом с маленькой сосновой кроваткой, не забыв бросить опасливый взгляд на окно, за которым бушевал ветер. Ну что я за мать, если собираюсь оставить его здесь одного этой ночью? Я вздохнула. Но разве у меня есть выбор? Кэролайн работала в ночную смену. И я не могла снова взять сына с собой в гостиницу, особенно после того, что случилось в прошлые выходные, когда Эстелла нашла его спящим в апартаментах в пентхаусе на девятом этаже. Она прогнала его из-под теплого пухового одеяла, словно он был мышью, застигнутой на кухне в банке с мукой. Малыша это страшно напугало, а я едва не лишилась работы. Нет, здесь, в своей кроватке, моему дорогому мальчику будет хорошо, он будет в тепле и в безопасности. Я запру дверь. Стены дома были действительно тонкими, а вот дверь была крепкой, внушительная дверь из красного дерева с отличным медным замком.

Мы оба вздрогнули, когда в квартиру постучали, требовательно, громко, настойчиво. Дэниел сморщился.

— Это снова он, мама? — спросил сын громко, а потом понизил голос до шепота: — Тот плохой дядя?

— Не волнуйся, дорогой, — сказала я и встала. — Скорее всего, это просто тетя Кэролайн. Ты оставайся здесь, а я пойду и посмотрю.

Я спустилась вниз и на мгновение остановилась в гостиной, буквально застыла, пытаюсь сообразить, что делать. Стук в дверь не прекращался. Барабанили уже изо всех сил. Я знала, кто это, и знала, что ему нужно. Я бросила взгляд на сумочку: в ней не больше доллара, может быть, наберется два. Арендную плату следовало внести еще три недели назад, и я оправдывалась перед мистером Гаррисоном, находя различные предлоги, но что мне делать теперь? Последний чек я потратила на продукты и новую пару обуви для Дэниела, моего бедного мальчика. Не мог же он и дальше втискивать ножки в старые ботиночки, которые ему немилосердно жали?

Тук. Тук. Тук.

Стук в дверь, словно эхо, повторял биение моего сердца. Я была напугана, чувствовала себя как в ловушке. Квартира вдруг стала похожей на клетку. Стены как будто опутывали меня колючей проволокой. Что же мне делать? Я по привычке посмотрела на запястье. С тех пор как отец Дэниела подарил мне самое изысканное

украшение, которое я только могла себе представить, я очень дорожила золотой цепочкой с тремя изящными сапфирами. В ту ночь в отеле «Олимпик» я была гостьей, а не горничной в черном форменном платье и белом переднике. Когда я открыла узкую синюю коробочку, а он надел браслет мне на руку, я впервые почувствовала себя женщиной, рожденной для того, чтобы носить такие украшения. Тогда мне даже в голову не приходило, что я могла бы... Я крепко зажмурилась, а стук в дверь все продолжался. Я начала расстегивать браслет, потом покачала головой. Нет, это я ему не отдам. Так легко я не сдамся. И я подняла браслет повыше, чтобы он плотнее облегал руку, и спрятала его под рукавом. Придется найти другой способ.

Сделав глубокий вдох, я медленно подошла к двери и неохотно отодвинула задвижку. Петли скрипнули, и передо мной предстал мистер Гаррисон, стоявший в коридоре. Он был крупным мужчиной, высоким и плотным. Легко было понять, почему Дэниел так его боялся. Суровое лицо хозяина дома покрывала серая неухоженная борода. Видны были только кирпично-красные щеки со следами оспы и темные злобные глаза. От него пахло джином, сосной и кислятиной, и было понятно, что он только что вышел из салуна на первом этаже. Строгие правила сухого закона еще не были окончательно отменены, но в этой части города полиция обычно смотрела на нарушения сквозь пальцы.

— Добрый вечер, мистер Гаррисон, — поздоровалась я как можно ласковее.

Он сделал шаг вперед и поставил тяжелый сапог со стальным носком на порог.

— Обойдемся без формальностей! — рявкнул он. — Где мои деньги?

— Прошу вас... Я хотела бы извиниться, сэр, — начала я дрожащим голосом. — Я знаю, что задержала арендную плату. Для нас месяц был очень тяжелым, и я...

— Я слышал от тебя эту историю на прошлой неделе. — Голос мистера Гаррисона звучал ровно, но не менее угрожающе. Он протиснулся мимо меня и прошел в кухню, где отрезал ломтик хлеба от буханки, которую я только что вытащила из духовки. *Мой ужин.* Он открыл дверцу морозилки и нахмурился, не найдя там масла. — Я спрашиваю тебя еще раз, — продолжал мистер Гаррисон, и его лицо напряглось. Глаза превратились в щелочки. — Где мои деньги?

Я вцепилась в браслет, а мой взгляд устремился мимо него на стену с облезшими шкафчиками и облупившейся краской. Что же мне ему сказать? Что же делать?

Мужчина хохотнул.

— Так я и думал, — сказал он, — бесчестная лгунья.

— Мистер Гаррисон, я...

Его глаза по-хозяйски оглядели меня. Он подошел ближе, еще ближе, пока я не ощутила его зловонное дыхание и не почувствовала колючую

бороду. Гаррисон крепко схватил меня за запястье, почти как браслет, который обнимал мою руку под рукавом платья, скрытый от его глаз.

— Я так и думал, что может дойти до этого, — пробормотал он, а его жирная грубая рука распахивала мой жакет и хваталась за лиф платья. Указательный палец домовладельца ухватился за пуговицу. — Тебе повезло, я щедрый человек, и я разрешаю тебе расплатиться со мной *по-другому*.

Я сделала шаг назад и сразу же услышала шаги на лестнице.

— Мама?

— Дэниел, возвращайся в кроватку, милый. — Я постаралась, чтобы мой голос звучал как можно спокойнее. — Я сейчас поднимусь к тебе.

— Мама! — снова позвал Дэниел и заплакал.

— Лапочка ты моя. — Я молилась про себя, чтобы голос не выдал охватившего меня ужаса. — Все в полном порядке. Честное слово. *Пожалуйста*, возвращайся в постель.

Я не могла позволить, чтобы мой сын увидел происходящее или чтобы мистер Гаррисон сделал ему больно.

— Мама, мне страшно! — Голос Дэниела звучал глухо, потому что он прикрывал рот своим плюшевым мишкой.

Мистер Гаррисон откашлялся и одернул свой плащ.

— Что ж, раз ты не можешь его заткнуть, — прорычал он, глядя на мальчика со злобщей улыб-

кой, — тогда мне придется вернуться. И не надейся, что я передумаю. Я *обязательно* вернусь.

Мне не понравилось то, как Гаррисон посмотрел на Дэниела, словно тот был домашним животным, досадной помехой. Потом его взгляд вернулся ко мне, и он уставился на меня так, будто перед ним был отличный стейк, скворчащий на сковородке.

— И ты мне заплатишь.

Я едва кивнула, пока он направлялся к двери.

— Да, мистер Гаррисон...

Я возилась с задвижкой, а его шаги гулко отдавались в коридоре. Прежде чем повернуться к Дэниелу, я глубоко вдохнула и смахнула со щеки слезу.

— О, Дэниел. — Я избежала по лестнице и крепко обняла сынишку. — Ты испугался, мой дорогой? Не бойся. Мама здесь. Не о чем волноваться.

— Но этот дядя, — всхлипнул малыш, — он плохой. Он сделал тебе больно?

— Нет, милый, — ответила я. — Мама никогда бы ему этого не позволила.

Я расстегнула браслет и положила его на ладонь. Тут он был в безопасности.

Дэниел посмотрел на меня, ничего не понимая. А я смотрела в его большие невинные глаза и надеялась, что все сложится иначе, для него, для меня, для нас обоих.

— Мама любит свой браслет, милый. Я просто хочу, чтобы он находился в надежном месте.

Мальчик задумался.

— Чтобы ты его не потеряла?

— Именно так. — Я выпрямилась и взяла его за руку. — Ты сможешь маме спрятать его в *тайное место*?

Дэниел кивнул, и мы подошли к крошечному потайному шкафчику под лестницей. Это он нашел тайник однажды утром во время игры. Ниша в стене была не больше шляпной коробки, и мы решили, что это будет наш с ним тайник, о котором больше никто не узнает. Дэниел хранил в нем свои сокровища: голубое перо, которое он нашел на улице; банку из-под сардин, куда он сложил гладкие камешки и разные другие мелочи. Закладка для книг. Сверкающая монета. Сверкающая раковина моллюска, выбеленная солнцем. Я положила в шкафчик его свидетельство о рождении и другие документы, которые следовало сохранить. А теперь я спрятала в наш тайник и свой браслет.

— Вот так, — сказала я, закрывая дверцу и восхищаясь тем, что она мгновенно слилась с деревянной обшивкой стены. Интересно, как все-таки Дэниел обнаружил тайник?

Мальш прижался головой к моей груди.

— Ты споешь мне песенку?

Я кивнула, убрала белокурые волосы с его лба, в очередной раз удивляясь, как он похож на своего отца. Если бы только Чарльз был здесь. Я быстро прогнала эту мысль, эту фантазию, и запела:

— Ты не плачь, усни, мой мальчик, баюшки-баю. Утром встанешь и поскачешь на своей лошадке...

Слова слетали с моих губ, успокаивая нас обоих.

Я спела четыре куплета. Этого хватило, чтобы веки Дэниела отяжелели. Я отнесла его в постель и снова укрыла стеганым одеялом.

Его глаза затуманились, когда он рассматривал мое черное платье и белый передник.

— Мама, не уходи!

Я коснулась его подбородка.

— Я ненадолго, мой дорогой. — Я поцеловала сына в обе щеки, мягкие и прохладные.

Дэниел уткнулся лицом в мишку, потерял носом о его нос-пуговку — он так делал с младенчества.

— Я не хочу.

Он помолчал, его разум отчаянно пытался подобрать нужные слова.

— Мне страшно, когда тебя нет.

— Я знаю, любовь моя. — Я пыталась сдержать слезы. — Но я должна идти. Потому что я люблю тебя. Когда-нибудь ты это поймешь.

— Мама, — продолжал Дэниел, глядя в окно, за которым завывал ветер. — Ева говорит, что по ночам появляются привидения.

Мои глаза расширились. Воображению дочки Кэролайн можно позавидовать! А ведь ей только три с половиной года!

— И что же рассказывала тебе Ева?

Дэниел помолчал, будто обдумывая ответ.

— Ну, — осторожно начал он, — когда мы играем, на нас иногда смотрят люди. Они привидения?

— Кто на вас смотрит, милый?

— Та леди.